

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 1 (60)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, телефон: (345-2) 688-756, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (60)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarov Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Lishevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Khlyueva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Проконова М.М.

Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: m.m.prokonova@utmn.ru

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТА ИЗ ПАМЯТНИКОВ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО НАСЕЛЕНИЯ С КОЧЕВНИКАМИ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

Представлен анализ динамики форм каменных жертвенников, глиняных блюд и курильниц из памятников саргатской культуры — предметов, которые рассматриваются в качестве маркеров культурных и торгово-обменных связей местного населения с кочевниками урало-казахстанских степей и сопредельными регионами. Определены хронологические и территориальные рамки бытования изделий разных типов, особенности их использования населением саргатской культуры, а также причины их появления и дальнейшего распространения на территории лесостепной зоны Тоболо-Иртышья и Барабинской лесостепи.

Ключевые слова: Западная Сибирь, ранний железный век, саргатская культура, предметы культа, курильницы, керамические блюда, каменные жертвенники.

Введение

На обширных территориях евразийских степей в раннем железном веке проживали группы населения, в погребальном обряде которых особое место занимали изделия, предназначенные для отправления культов. Считается, что курильницы, глиняные блюда и каменные алтарики являются привнесенными в саргатскую среду элементами. Появление прямоугольных жертвенников на ножках связывалось с контактами населения саргатской культуры с савроматами [Корякова, 1988, с. 83; Могильников, 1992, с. 305; Матвеева, 2000, с. 71], а овальных без опоры и на ножках — с саками [Корякова, 1988, с. 83; Полосьмак, 1987, с. 87; Могильников, 1992, с. 309; Матвеева, 2000, с. 71]. Распространение глиняных блюд объяснялось сарматским [Полосьмак, 1987, с. 87] и сакским [Матвеева, 2000, с. 71] влиянием. Курильницы появились в Тоболо-Иртышье в результате контактов саргатского населения с сарматами [Смирнов, 1973, с. 173; Матвеева, 2000, с. 71]. При этом исследователи отмечали разные варианты появления данных изделий у носителей саргатской культуры: в результате торговли с сопредельными территориями [Матвеева, 2000, с. 68] и инфильтрации кочевых групп в местную среду [Корякова, 1988, с. 158–159; Могильников, 1981, с. 101]. Выводы делались на основании небольших серий предметов. Несмотря на наличие обобщающих работ по отдельным категориям предметов культа из комплексов саргатской культуры [Полосьмак, 1984; Трофимов, 2017; Маргарян, 2018; Зах, 2021], информацию, представленную в них, нельзя назвать исчерпывающей. Круг источников, как правило, ограничивался опубликованными вещами, в результате чего не был учтен целый ряд изделий, а отдельные ареалы саргатской культуры не получили достаточной репрезентации. Изучение полного массива источников в территориально-хронологическом контексте позволит проследить процесс появления данных изделий в саргатской среде и динамику развития отдельных традиций, что в дальнейшем поможет в реконструкции торгово-обменных и этнокультурных связей местного населения, а также путей миграций кочевых племен в лесостепь Западной Сибири.

Источники

Основным источником исследования выступили курильницы, каменные жертвенники и глиняные блюда из погребальных и поселенческих комплексов саргатской культуры, занимающих территорию от восточного склона Уральских гор на западе до Барабинской лесостепи на востоке и от южной периферии тайги на севере до северной границы со степью на юге (рис. 1).

В работе учтено 39 курильниц, представляющих собой миниатюрные, разнообразные по форме глиняные сосуды, зачастую со сквозными отверстиями в стенках. Единственная классификационная схема курильниц саргатской культуры предложена Н.П. Матвеевой, разделившей семь сосудов из памятников Притоболья на чашевидные, стакановидные, цилиндрические с сосцевидным выступом и в виде вазы на поддоне с перегородкой в чаше [1993, с. 114]. За по-

следние десятилетия источниковая база значительно пополнилась новыми материалами, в связи с чем появилась возможность детализировать предложенную типологию.

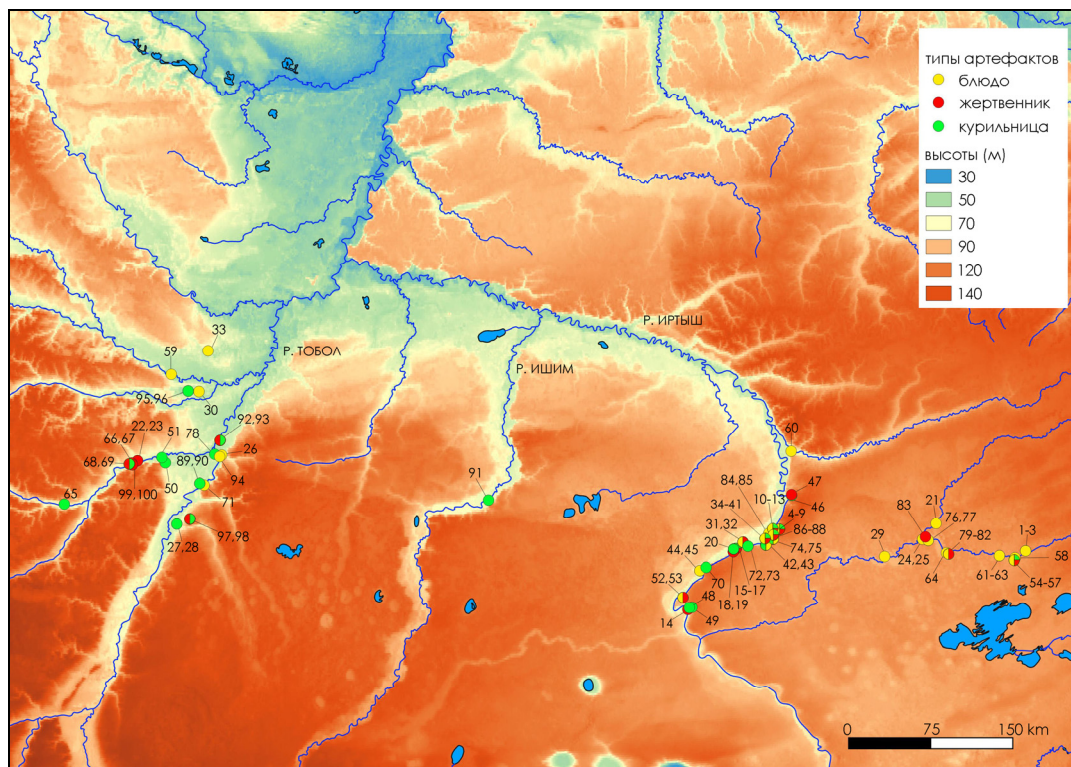


Рис. 1. Карта распространения предметов культа из комплексов саргатской культуры на территории Западной Сибири (номера памятников соответствуют номерам в таблицах).

Fig. 1. Map of the distribution of sacred objects from the Sargatka culture complexes in Western Siberia (the numbers of monuments correspond to the numbers in the tables).

Курильницы из памятников саргатской культуры представляется возможным разделить по форме дна, тулова, наклону и высоте стенок на пять типов (табл. 1; рис. 4). Такой принцип систематизации впервые был применен к сарматским материалам М.Г. Мошковой [1963, с. 29–30] и К.Ф. Смирновым [1973, с. 166–179]. На дне части саргатских курильниц присутствуют выступы (рис. 4, 6, 11–13, 14, 17, 24, 28, 29, 37). Большинство изделий имеют орнамент, однако строгая зависимость между декором и типом сосуда отсутствует. Исключение составляют курильницы II типа, стенки которых украшались бордюрным орнаментом с резными зигзагами или фестонами (рис. 4, 14–18, 20–22, 24), а дно могло декорироваться солярным узором (рис. 4, 15, 24). Для изделий остальных типов характерно украшение венчика ямками (рис. 4, 1), наклонными насечками (рис. 4, 11, 33, 35) или резным зигзагом (рис. 4, 28), а также декорирование тулова ямками, резными зигзагами, фестонами, горизонтальной елочкой и подтреугольными вдавлениями, которые встречаются в декоре как по отдельности (рис. 4, 1, 4, 13, 26, 27, 29, 31, 36, 38), так и в составе сложного узора (рис. 4, 3, 6, 9, 33–35).

Помимо курильниц, учтено 24 каменных жертвенника, которые были разделены на шесть типов (табл. 2; рис. 2) в соответствии с предложенным К.Ф. Смирновым принципом [1964, с. 162–166]. Учитывалось наличие или отсутствие ножек, их количество, форма и высота, форма блюда, а также наличие бортиков. Пять экземпляров неправильной формы были выделены в отдельную группу. Особое внимание следует уделить жертвенным плитам с изображением головы барана. Большинство аналогичных изделий являются случайными находками с территории лесостепного Зауралья. Часть исследователей склонна относить данные плиты к бронзовому веку (XIII–VIII вв. до н.э.) [Tallgren, 1938; Мошинская, 1976], другие связывают их со скифо-сарматским временем (VI–III вв. до н.э.) [Дмитриев, 1948; Сальников, 1964; Матвеева, 1986]. Верхняя хронологическая граница бытования этих изделий маркируется IV–III вв. до н.э. по экземплярам из Рафайловского кургана [Матвеева, 1986].

Распределение курильниц разных типов по памятникам саргатской культуры

Table 1

Spacing of various types of censers among monuments of the Sargatka Culture

№ на карте	Место находки	Аналогии	Литература
I. Плоскодонные цилиндрические курильницы с высокими вертикальными стенками (13 экз.)			
4, 5	Бещаул II (к.2, п.4; п.7) (рис. 4, 1, 2)	Поволжье, Южное Приуралье прохоровская АК IV–II вв. до н.э.	Мошкова, 1963, с. 29; табл. 11, 27, 29 Смирнов, 1973, с. 167; рис. 1–3
15, 16	Богданово II (к.В, п.7) (рис. 4, 7, 8)		
20	Богдановское городище (рис. 4, 11)		
27	Гладунино-1 (к.2, п.2) (рис. 4, 3)		
34	Исаковка I (к.5, п.7) (рис. 4, 12)		
42	Исаковка III (к.3, насыпь) (рис. 4, 9)		
49	Коконовское поселение (рис. 4, 10)		
91	Узловское поселение (рис. 4, 6)		
92	Улановка (к.3, п.1) (рис. 4, 13)		
95, 96	Чепкуль 9 (к.7, п.11) (рис. 4, 4, 5)	сусловская АК I в. до н.э. — II в. н.э.	Там же, с. 167; рис. 1, 3
II. Плоскодонные цилиндрические курильницы с низкими вертикальными стенками (11 экз.)			
6	Бещаул II (к.4, п.2) (рис. 4, 17)	Поволжье, Южное Приуралье прохоровская АК IV–II вв. до н.э.	Мошкова, 1963, с. 29; табл. 11, 23, 25, 26, 28, 31 Смирнов, 1973, с. 170; рис. 1, 2
28	Гладунино-1 (к.2, п.2) (рис. 4, 14)		
35	Исаковка I (к.4, п.1) (рис. 4, 20)		
50	Коловское-4 селище (рис. 4, 18)		
51	Красногорский Борок (к.2, п.1) (рис. 4, 22)		
68	Рафайловское городище (рис. 4, 19)		
70	Розановское городище (рис. 4, 24)		
72, 73	Саратово (к.1, п.2) (рис. 4, 15, 16)		
78	Старо-Лыбаевский 4 (к.31, п.4) (рис. 4, 21)		
97	Шикаевка (к.4, п.1) (рис. 4, 23)	Притоболье гороховская АК VI–IV вв. до н.э.	Генинг, 1962, рис. 37
III. Плоскодонные бочковидные курильницы (6 экз.)			
7	Бещаул II (к.2, п.7) (рис. 4, 26)	Поволжье, Южное Приуралье прохоровская АК IV–II вв. до н.э. сусловская АК I в. до н.э. — II в. н.э. Северный Казахстан улубаевско-тасмолинская АК IV–II вв. до н.э.	Мошкова, 1963, с. 29; табл. 11, 32, 35, 36 Смирнов, 1973, с. 167; рис. 1–3 Там же, с. 167; рис. 1 Хабдулина, 1994, табл. 31, 2; 39, 12; с. 63
36	Исаковка I (к.4, п.1) (рис. 4, 30)		
65	Прыговский 2 (к.2, п.2) (рис. 4, 25)		
74	Сидоровка (к.4, п.5) (рис. 4, 27)		
86	Стрижево 2 (к.7, п.2) (рис. 4, 28)		
89	Тютринский (к.10, п.3) (рис. 4, 29)		
IV. Плоскодонные курильницы с расширяющимися кверху стенками (8 экз.)			
10	Бещаул-III (к.1, п.5) (рис. 4, 38)	Поволжье, Южное Приуралье прохоровская АК IV–II вв. до н.э. сусловская АК I в. до н.э. — II в. н.э.	Мошкова, 1963, с. 29; табл. 11, 24 Смирнов, 1973, с. 167; рис. 1–3 Там же, с. 167; рис. 1–3
37–39	Исаковка I (к.5, насыпь; п.5) (рис. 4, 33, 34, 35)		
46	Карташово (к.1, п.1) (рис. 4, 31)		
48	Коконовка (рис. 4, 32)		
54, 55	Марково-1 (к.7, п.1; к.5, п.1) (рис. 4, 36, 37)		
V. Чашевидные курильницы на коническом поддоне с перегородкой (1 экз.)			
90	Тютринский (к.7, п.2) (рис. 4, 39)	Поволжье, Южное Приуралье прохоровская АК IV–II вв. до н.э. сусловская АК I в. до н.э. — II в. н.э.	Мошкова, 1963, с. 29; табл. 11, 2–7 Смирнов, 1973, с. 170; рис. 1, 2 Там же, с. 170; рис. 1–3

Также было рассмотрено 37 глиняных блюд. Н.В. Полосьмак разделила изделия из Барабы по форме на три типа: круглые, овальные и подпрямоугольные [1984, с. 127], а К.Г. Маргарян на основании формы, наличия или отсутствия опоры и бортика детализировала предложенную типологию [Там же, 2018 с. 283–285]. Мы посчитали нужным ввести дополнительные критерии, такие как форма дна и высота стенок, а также отказаться от вынесения двух блюд, форма которых определяется в рассмотренных классификациях как «подпрямоугольные» (рис. 3, 30, 33), в отдельный тип, поскольку по морфологическим характеристикам они тяготеют к овальным блюдам. В результате глиняные блюда были разделены на шесть типов (табл. 3; рис. 3), для которых характерны единые принципы орнаментации: резные зигзаги и ямки по бортикам (рис. 3, 1–9, 11, 13–15, 17, 19–21, 24–27, 30, 32, 33, 35). На внутренней поверхности блюд I–III и V типов присутствуют вкрапления белых галек или крупного шамота (рис. 3, 8, 14, 16, 17, 22, 25–27, 29, 34). Изделия IV типа декорировались по внутренней поверхности желобками, горизонтальными резными линиями или решеткой (рис. 3, 30–33). Встречаются экземпляры без орнамента.

Обсуждение

Появление предметов культа рассмотренных форм у населения саргатской культуры было напрямую связано с событиями, охватившими Центральную Азию в VI–V вв. до н.э. Во второй половине VI в. до н.э. произошло усиление влияния ахеменидской Персии, которая начала вести активную завоевательную политику в Средней Азии. Поражение саков в длительной борьбе послужило толчком для миграции последних на северо-запад — в степи Южного Урала [Таиров,

2000, с. 146–151], на северо-восток и восток — вплоть до территории лесостепного Приобья [Могильников, 1997, с. 7], а также на север — в лесостепь Тоболо-Иртышья [Могильников, 1981, с. 100]. Вследствие этих масштабных изменений в погребальном обряде саргатской культуры появляются южные черты: канавки по периметру могильных ям, настилы из бревен и жердей, каркасно-столбовые конструкции, подстилки из растительных материалов, гробовища и наличие следов огня [Могильников, 1981, с. 101; Матвеева, 1993, с. 159 и др.]. Смещение саргатского населения с мигрантами из сакской среды также выразилось в антропологическом типе местного населения [Багашев, 2000, с. 172–181].

Таблица 2

Распределение каменных жертвенников разных типов по памятникам саргатской культуры

Table 2

Spacing of various types of stone altars among monuments of the Sargatka Culture

№ на карте	Место находки	Аналогии	Литература
I. Жертвенники без опоры, овальной формы, с бортиком (9 экз.)			
14	Битые горки (п.1) (рис. 2, 1)	Северный Казахстан улубаевско-тасмолинская АК VIII–IV вв. до н.э.	Хабдулина, 1994, табл. 16, 3; 17, 2; 19, 5; 23, 2, 10; 33, 5; 58
18	Богданово III (к.2, п.3) (не представлен на рисунке)	Центральный Казахстан тасмолинская АК VIII–IV вв. до н.э.	Маргулан и др., 1966, рис. 10, 1–3; 14, 1; 30, 1–3; 47, 2
31	Инберень IV (рис. 2, 5)	Восточное Приаралье сакская АК VII–VI вв. до н.э.	Вишневская, 1992, табл. 54, 12, 13, 17, 18, 20 Вишневская, 1973, табл. XI, 3; XIV, 19; XXIV, 2, 3 Итина, Яблонский, 1997, рис. 6, 5; 9, 8; 27, 9; 29, 11; 36, 14
40	Исаковка I (к.6, п.11) (рис. 2, 6)	Южный Урал, Междуречье Дона и Волги савроматская АК VII–IV вв. до н.э.	Смирнов, 1964, рис. 5, 2а; 21, 36; 75, 6 Таиров, 2004, рис. 2, 34, 62; 10, 52
56	Марково 1 (к.5, п.1) (рис. 2, 7)	Приобье большереченская АК VI–II вв. до н.э. кулайская АК I в. до н.э. — I в. н.э.	Троицкая, Бородавский, 1994, табл. III, 8; XII, 11–13; XV, 191; XVIII, 5; XX, 3; XXVI, 15; XXIX, 2; XXXV, 11, 12; XLI, 51 Могильников, 1997, рис. 60, 4, 5 Троицкая, 1979, табл. XXV, 25; XXXVIII, 12 Кирюшин и др., 2003, рис. 34, 1; 50, 5
79, 80	Старые Карачи-3 (к.7, п.1; к.4, п.1) (рис. 2, 3, 4)	Алтай, пазырыкская АК VI–V вв. до н.э.	
87	Стрижево II (к.2, п.7) (рис. 2, 8)	Бараба, новочекинская АК V–IV вв. до н.э. большереченская АК VI–II вв. до н.э.	Полосьмак, 1987, рис. 62, 1 Там же, рис. 47, 1
93	Улановка (к.3, п.3) (рис. 2, 2)	Притоболье, гороховская АК V–IV вв. до н.э.	Могильников, 1992, табл. 119, 57
II. Жертвенники на четырех высоких конусовидных ножках, овальной формы, с бортиком (1 экз.)			
52	Красноярка (к.10, п.1) (рис. 2, 9)	Центральный Казахстан тасмолинская АК VII–VI вв. до н.э. Восточное Приаралье, сакская АК VII–VI вв. до н.э. Южный Урал, Поволжье савроматская АК VI–IV вв. до н.э. Обь-Иртышье V–IV вв. до н.э.	Вишневская, 1992, табл. 54, 19 Маргулан и др., 1966, рис. 14, 2 Маргарян, 2019, рис. 1, 13, 14, 16 Вишневская, 1973, табл. XV, 15 Смирнов, 1964, рис. 15, 10, 30; 74, 5, 6, 22 Васильев, 1998, табл. 5, 5 Маргарян, 2019, рис. 1, 3, 5, 8 Плахута, Автушкова, 2018, с. 183, рис. 2, 3
III. Жертвенники на двух и четырех высоких округлых ножках, прямоугольной формы, с бортиком (3 экз.)			
19	Богданово III (к.1, п.2) (рис. 2, 10)	Южный Урал, савроматская АК VI–V вв. до н.э.	Смирнов, 1964, рис. 8, 46, 6а; 18, 4; 74, 1, 2, 4 Васильев, 1998, рис. 3, 6, 9, 10; 5, 1–4 Федоров, 2001, рис. 2, 3; 3, 13; 8, 4
47	Карташово II (к.11, п.3) (рис. 2, 11)	Притоболье, гороховская АК V–IV вв. до н.э.	Могильников, 1992, табл. 119, 50, 53
69	Рафайловское городище (рис. 2, 12)	Верхнее Приобье, большереченская АК V–III вв. до н.э.	Могильников, 1997, рис. 61, 6
IV. Жертвенники на четырех низких округлых ножках, округлой формы, с бортиком (1 экз.)			
83	Старый Сад 1 (к.3) (рис. 2, 13)	Северный Казахстан улубаевско-тасмолинская АК VIII–VI вв. до н.э.	Хабдулина, 1994, табл. 13, 10
V. Жертвенники без опоры, без бортика, со схематичным изображением головы барана (5 экз.)			
66, 67	Рафайловский (к.1) (рис. 2, 14, 15)	Зауралье, случайные находки	Tallgren, 1938 Дмитриев, 1964 Сальников, 1964 Мошинская, 1976 Матвеева, 1986
98	Шикаевка (к. 6) (не представлен на рис.)		
99, 100	У д. Духовка (2 шт., не представлены на рис.)	Притоболье, гороховская АК	Ченченкова, 2001, табл. 1 Могильников, 1992, табл. 119, 66 Матвеева, 2019, рис. 3, 1–3
VI. Плиты неправильной формы (5 экз.)			
8		Бешаул II (к.2, п.7) (рис. 2, 17)	
11		Бешаул III (к.1, п.5) (рис. 2, 18)	
17		Богданово II (к.В, п.7) (рис. 2, 19)	
22, 23		Гаевский I (к.4, п.1; к.3, п.5) (рис. 2, 16, 20)	

Параллельно с этим в Прииртышье и Барабе получают распространение каменные жертвенники I и II типов (рис. 2, 1, 3–5, 9), аналогичные изделиям, широко распространенным у саков Приаралья, а также среди культур Центрального и Северного Казахстана (табл. 2). Существует две гипотезы функционального назначения каменных алтариков у кочевников евразийских степей: утилитарная и культовая. Первая подразумевает использование этих изделий в качестве

Предметы культа из памятников саргатской культуры в контексте взаимодействия...

точильных камней [Бобринский, 1887, с. 88–89] или косметических столиков [Зуев, 1996, с. 64]. Приверженцы второй предполагают применение жертвенников в очистительных ритуалах с использованием символической «жертвы» в виде растертого реалъгара [Граков, 1947, с. 645–649], для воскурения ароматических или одурманивающих веществ, возжигания священного огня [Смирнов, 1964, с. 166–167], растирания краски для ритуальной татуировки [Васильев, 1998, с. 32; Мошкова, 2000, с. 210], а также в качестве подставок для сакральных предметов [Смирнов, 1964, с. 254; Мошкова, 2000, с. 211] и давящих камней для приготовления священной сомы [Федоров, 2001].

Таблица 3

Распределение глиняных блюд разных типов по памятникам саргатской культуры

Table 3

Spacing of various types of ceramic plates among monuments of the Sargatka Culture

№ на карте	Место находки	Аналогии	Литература
I. Круглые блюда с плоским дном и низким вертикальным бортиком (22 экз.)			
9	Бещаул-II (к.4, п.2) (рис. 3, 13)	Притоболье гороховская АК с III в. до н.э.	Могильников, 1992, табл. 119, 52
12, 13	Бещаул-III (к.1, п.7; к.2, п.4) (рис. 3, 14, 15)		
21	Венгерово 7 (к.2, п.7) (рис. 3, 21)		
29	Гришкина Заимка (рис. 3, 16)		
32	Инберень IV (рис. 3, 7)		
44, 45	Калачевка I (к.1, п.4, п.6) (рис. 3, 17, 18)	Прииртыше богочановская АК с III в. до н.э.	Данченко, 1996, с. 67, 68; рис. 57
53	Красноярка (к.10, п.1) (рис. 3, 8)		
59	Мысовский (не представлено на рисунке)		
61–63	Омь-1 (рис. 3, 1–3)		
64	Преображенка 3 (к.58) (рис. 3, 9)		
71	Савиновский (к.1, п.1) (рис. 3, 20)	Южный Урал савроматская АК V–IV вв. до н.э.	Смирнов, Петренко, 1963, табл. 30, 34; 30, 35; рис. 75, 15 Смирнов, 1964, рис. 75, 13, 14 Смирнов, 1977, рис. 11, 7; 12, 27, 14а, 2
76, 77	Сопка 2 (к.25, п.23, 32) (рис. 3, 10, 11)		
81	Старые Карачи-3 (к.14, п.1) (рис. 3, 19)		
88	Стрижево II (к.6, п.4) (рис. 3, 4)		
94	Устюг-1 (к.49, п.2) (рис. 3, 12)		
24, 25	Галечное-1 (рис. 3, 5, 6)		
II. Круглые блюда с округлым дном и без бортика (7 экз.)			
26	Гилево-2 (к.3, насыпь) (рис. 3, 24)	Неизвестно	—
33	Ипкульский-1 (к.20, п.1) (рис. 3, 28)		
41	Исаковка-I (к.5, п.7) (рис. 3, 23)		
43	Исаковка-III (к.2, п.2) (рис. 3, 22)		
75	Сидоровка (к.4, п.5) (рис. 3, 25)		
84, 85	Стрижево-I (к.2, п.3; п.4) (рис. 3, 26, 27)		
III. Овальные блюда с округлым дном и высоким вертикальным бортиком (1 экз.)			
1	Абрамово 4 (к.7, п.1) (рис. 3, 29)	Неизвестно	-
IV. Овальные блюда с плоским дном и низким вертикальным бортиком (4 экз.)			
2, 3	Абрамово 4 (к.29, п.2, к.18, п.1) (рис. 3, 30, 31)	Неизвестно	—
57	Марково 1 (к.7, п.1) (рис. 3, 33)		
60	Окунево 1 (к.2, п.1) (рис. 3, 32)		
V. Круглые блюда на четырех низких округлых ножках с плоским дном и низким вертикальным бортиком (1 экз.)			
58	Марково 5 (рис. 3, 34)	Северный Казахстан улубаевско-тасмолинская АК VIII–VI вв. до н.э.	Хабдулина, 1994, табл. 13, 10
VI. Круглые блюда на трех и четырех высоких округлых ножках с округлым дном и высоким бортиком (2 экз.)			
30	Дуванское 2 селище (рис. 3, 36)	Южный Урал савроматская АК V–IV в. до н.э.	Смирнов, 1964, рис. 15, 1е, ж, 4б; 36, 3а; 16 Васильев, 1998, рис. 5, 6–9; 6, 2–5, 7, 8; 7, 1–4, 6–8; 8, 1–3, 5
82	Старые Карачи-3 (к.14, п.1) (рис. 3, 35)	Южное Приуралье и Западный Казахстан савроматская АК V–IV вв. до н.э.	Краева, 2015, с. 92; рис. 1, 9, 10

Выполнение саргатскими жертвенниками I–II типов роли «курильниц» [Могильников, 1992, с. 305] необоснованно ввиду отсутствия на их поверхностях следов горения и жирных пятен, а также случаев совместного залегания с баночными курильницами (Богданово III, к.2, п.3; Марково 1, к.5, п.1). Чаще всего алтарики в саргатских погребениях сопровождаются пряслищем (Исаковка I, к.6, п.11; Красноярка, к.10, п.1; Старые Карачи-3, к.7, п.1). На некоторых экземплярах присутствует краска (рис. 2, 6), неглубокие углубления или следы трения (рис. 2, 1, 2, 6, 9), образовавшиеся в результате взаимодействия с пестом, который мог находиться рядом с жертвенником (Битые горки, п.1), что указывает на использование этих изделий для растирания сухих пигментов. При этом обнаружение рядом с жертвенником проколки (Исаковка I, к.6, п.11), а иногда и целых комплектов, включающих зеркало, проколку (бронзовая игла, железный стержень, ножичек) и жертвенник (Красноярка, к.10, п.1; Стрижево II, к.2, п.7), можно трактовать как набор для татуировки. В пользу сакрального характера использования алтариков могут свидетельствовать следующие наблюде-

ния. Во-первых, рядом с жертвенниками иногда находятся зеркала (Красноярка, к.10, п.1; Стрижево II, к.2, п.7) — предметы, которые наделялись у иранских народов магическими функциями вместилища души умершего или охранителя и являлись символом солнечного диска [Смирнов, 1964, с. 249; Мошкова, 2000, с. 209 и др.]. Эти изделия занимали особое место в «жреческом» комплексе, сопровождавшем каменные алтарики в памятниках Южного Урала [Васильев, 1998, с. 32; Мошкова, 2000, с. 209], Северного и Южного Казахстана [Хабдулина, 1994, с. 59–60; Итина, Яблонский, 1997, с. 43], Восточного Приаралья [Вишневская, 1973, с. 85] и Верхнего Приобья [Могильников, 1997, с. 89]. Во-вторых, в могилу иногда помещался разломанный на две части жертвенник (рис. 2, 4; Богданово III, к.2, п.3), его фрагмент (рис. 2, 1, 5, 7, 8), изделие с пробитым дном (рис. 2, 6) или обломанной ножкой (рис. 2, 9), что можно связать с широко распространенной у ранних кочевников практикой преднамеренной порчи вещей [Мошкова, 2000, с. 211; Бейсенов, Джумабекова, 2017; и др.], возможно связанной с представлениями о зеркальности потустороннего мира, в котором все принимает «правильный» вид, а также с идеей перехода умершего в загробный мир с необходимостью продолжать исполнять там свои прижизненные функции.

К IV в. до н.э. происходит угасание культуры ранних саков [Бейсенов и др., 2015, с. 22], вследствие чего затухает производство алтариков I типа. С этого времени вплоть до первых веков н.э. в комплексах саргатской культуры фиксируются находки каменных плит неправильной формы (рис. 2, 16–20), которые сопровождалась в погребениях теми же вещами, что и жертвенники, — пряслицем и ножом (Бещаул II, к.2, п.7; Бещаул III, к.1, п.5; Гаевский 1, к.3, п.5), зеркалом (Богданово II, к.В, п.7), пестом (Бещаул II, к.2, п.7), железным шилом (Бещаул III, к.1, п.5), а также баночными курильницами (Бещаул II, к.2, п.7; Бещаул III, к.1, п.5; Богданово II, к.В, п.7). На поверхности некоторых плит присутствуют охра (рис. 2, 17, 20) и сконцентрированные в одном месте следы трения (рис. 2, 20). В это же время в погребениях Барабы и Прииртышья встречаются глиняные блюда III и IV типов (рис. 3, 29–33), напоминающие по форме каменные алтарики I типа. Н.В. Полосьмак на основании сработанности внутренней поверхности, наличия следов охры и мела, вкраплений гальки или шамота, а также орнамента в виде желобков и сетки, усиливающих «трущую» способность изделий, сделала вывод об их использовании для растирания красок [1984, с. 127]. При этом в некоторых погребениях сверху на глиняное блюдо был помещен круглодонный сосуд (Окунево-I, к.2, п.1) или пряслице (Абрамово 4, к.7, п.1; к.18, п.1), что наводит на мысль и об альтернативных способах применения этих изделий. Традиция использования алтариков в качестве подставок для ритуальных сосудов находит параллели у населения Южного Урала [Мошкова, 2000, с. 211] и Верхнего Приобья [Могильников, 1997, с. 91]. В «жреческих» наборах на этих территориях также встречаются жертвенники, на которые сверху были положены бронзовые колесики [Смирнов, 1977, с. 23; Зуев, 1996, с. 60; Мошкова, 2000, с. 210; Федоров, 2001, с. 33–34]. Поскольку в саргатских комплексах бронзовые колесики встречаются крайне редко, не исключено, что вместо них в похожих ритуалах могли использоваться семантически близкие этим изделиям пряслица.

Наши наблюдения позволяют предположить, что каменные плиты VI типа и глиняные блюда III–IV типов являлись местной альтернативой импортным жертвенникам I типа, потребность в которых возросла вследствие длительного взаимодействия коллективов Тоболо-Иртышья с кочевниками урало-казахстанских степей. Оно привело к трансформации религиозно-мифологических представлений саргатского населения и, как следствие, к появлению новых ритуалов и обрядов, для совершения которых были необходимы каменные алтарики. Появление местных «копий» может отражать недостаток импортных изделий, вызванный прекращением их производства в казахстанском очаге. Изготовление алтариков в саргатском ареале ввиду отсутствия выходов песчаника было затруднительным, что поспособствовало использованию более доступного материала — глины. Распространение рассмотренных предметов преимущественно в восточном ареале, вероятно, было обусловлено более активным воздействием сакского компонента на население этого региона на раннем этапе развития культуры.

Важно отметить, что каменные жертвенники I типа присутствуют и в более поздних комплексах саргатской культуры III–I вв. до н.э. (рис. 2, 2, 6–8). Наиболее длительное бытование изделий этого типа зафиксировано в Верхнем Приобье, где они появились в VI в. до н.э. в результате миграции саков и использовались вплоть до III–II вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 35, 88]. В VI–V вв. до н.э. отмечены первые контакты саргатского и большереченского населения на территории Барабы, что выразилось в домостроительстве и погребальном обряде большереченской культуры, а также в совместном залегании разнокультурной керамики [Полосьмак, 1987, с. 101–103]. В III–II вв. до н.э., по мнению В.А. Могильникова, саргатские коллективы проникают в Верхнее Приобье,

Предметы культа из памятников саргатской культуры в контексте взаимодействия...

на что указывает трансформация керамических традиций в гончарстве местного населения [1997, с. 35, 88, 108]. О наличии брачно-родственных связей представителей двух культур также говорят параллели в краниологической и одонтологической специфике населения [Багашев, 2000, с. 124, 204; Слепцова, 2020, с. 149]. Более того, в I в. до н.э. — I в. н.э. алтарики с плоским дном появляются в комплексах кулайской культуры (Ордынское-1; Новый Шарап-1), материалы которых иллюстрируют сходство с большереченскими [Троицкая, 1979, с. 24]. Учитывая эти данные и принимая во внимание включение саргатского населения в III в. до н.э. в систему международной торговли по северному ответвлению от Великого шелкового пути, послужившее толчком к расширению связей местных коллективов с сопредельными и удаленными регионами [Матвеева, 2000, с. 76], можно предположить, что с этого времени распространение жертвенников I типа в саргатской среде происходило в результате тесных контактов с населением Верхнего Приобья.

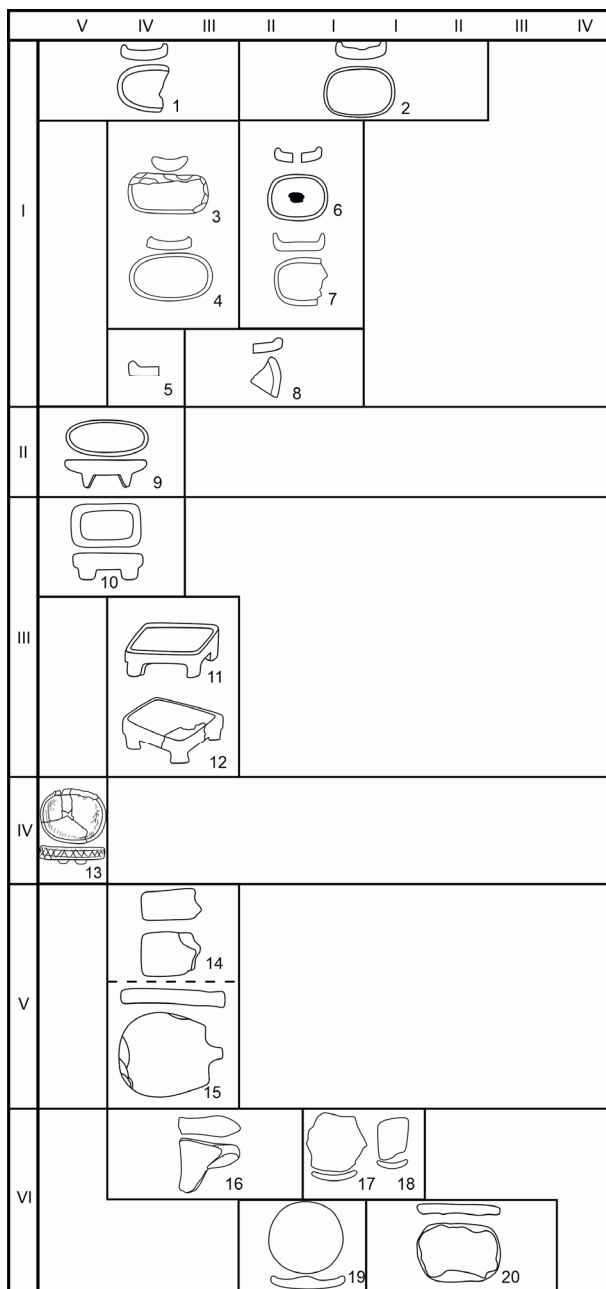


Рис. 2. Каменные жертвенники саргатской культуры.
Fig. 2. Stone altars of the Sargatka Culture

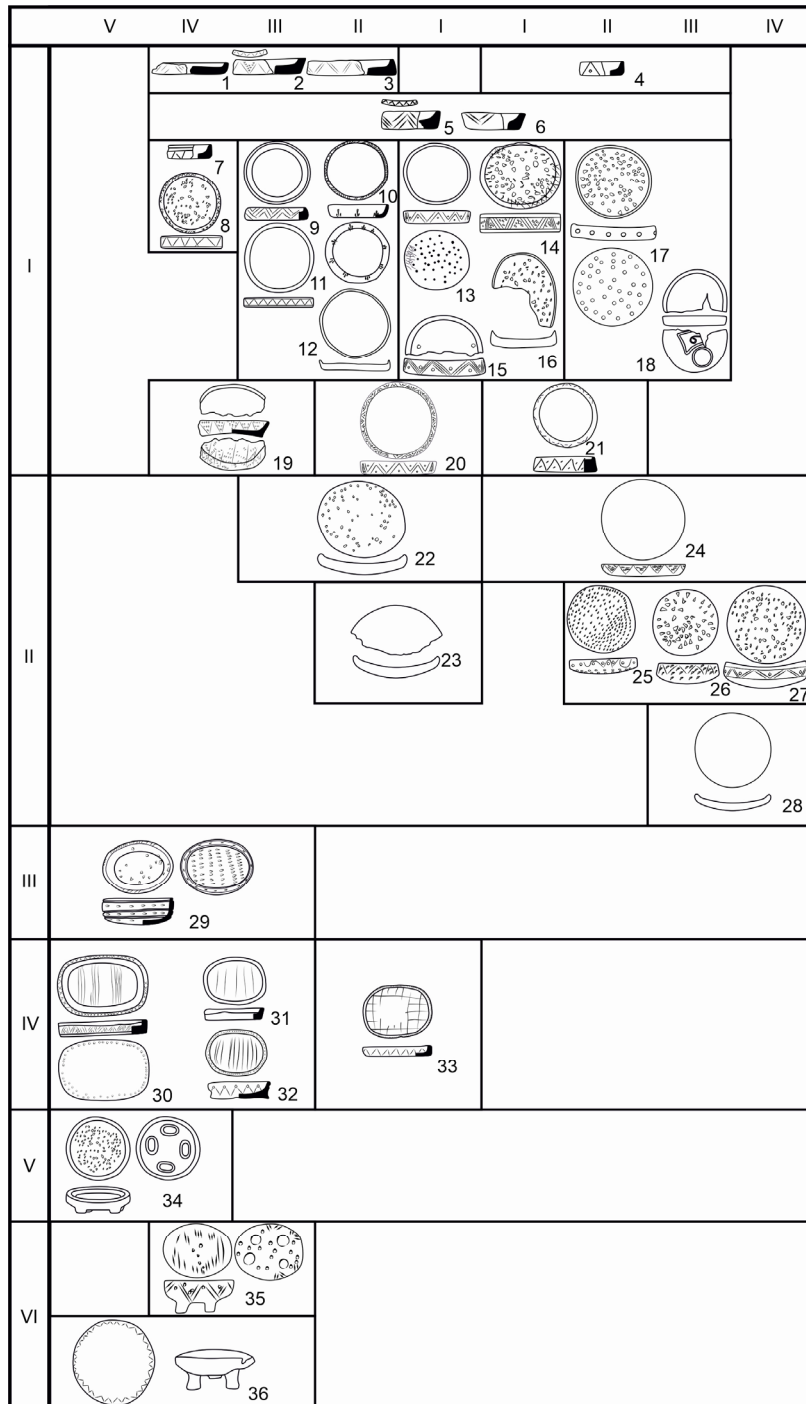


Рис. 3. Керамические блюда саргатской культуры.
Fig. 3. Ceramic plates of the Sargatka Culture.

Интерес представляют находки на территории Барабы каменного жертвенника IV типа (рис. 2, 13) и аналогичного ему изделия из глины V типа (рис. 3, 34), которые датируются V и V–IV вв. до н.э. соответственно. Точные аналогии вещам неизвестны, однако наиболее близким предметом является каменное блюдо из кургана у с. Кенес улубаевско-тасмолинской культуры [Хабдулина, 1994, табл. 13, 10]. Главная особенность каменного жертвенника IV типа — наличие типичного для глиняных блюд декора. Высокий уровень мастерства, с которым было выполнено изделие, наталкивает на мысль о его импортном происхождении. При этом типично

саргатский орнамент мог быть нанесен местным населением. Глиняное блюдо V типа, судя по морфологическому сходству с рассмотренным жертвенником, а по технологическому и стилистическому — с более поздними саргатскими блюдами, вероятно, представляло собой местную копию каменных алтариков IV типа. Контекст обнаружения этих находок не позволяет в полной мере реконструировать особенности их использования.

В комплексах саргатской культуры Притоболья и Прииртышья V–IV и IV–III вв. до н.э. встречаются редкие для этих территорий каменные жертвенники III типа (рис. 2, 11–13), идентичные савроматским столикам (табл. 2). По мнению В.А. Могильникова, эти изделия маркируют миграцию в IV–III вв. до н.э. в саргатский ареал небольшой группы кочевников Южного Приуралья [1998, с. 7]. На это также может указывать появление в саргатских памятниках этого времени глиняных блюд VI типа (рис. 2, 35, 36), близких по форме к южно-уральским каменным столикам, а также керамическим сосудам с ножками из раннесарматских погребений (табл. 3). Следует отметить, что каменные жертвенники III типа также встречается в материалах гороховской культуры V–IV вв. до н.э. [Могильников, 1992, табл. 119, 50, 53], памятники которой расположены на северо-восточной периферии мира уральских кочевников. Учитывая наличие тесных связей саргатского и гороховского населения в западном ареале, предполагаем, что представители гороховской культуры могли выступать посредниками в распространении данных изделий. Параллельно с этим в Притоболье были распространены каменные плиты с изображением головы барана, пять из которых исследователи условно относят к саргатской культуре (рис. 2, 14, 15; табл. 2). Принимая во внимание наличие подобных изделий в материалах гороховской культуры, считаем, что появление этих вещей в ранних саргатских памятниках может отражать процесс трансформации культуры в данном ареале под влиянием аборигенных групп гороховского населения. Для реконструкции вариантов использования саргатскими коллективами каменных жертвенников III и V типов на сегодняшний день недостаточно информации. Глиняные блюда VI типа характеризуются наличием глубокой чаши, что подразумевает возможность их использования в качестве емкостей. Однако круг вещей, которые могли в них помещаться, ограничен, так как на дне блюда из могильника Старые Карачи-3 (рис. 2, 35) присутствует сквозное отверстие. Неизвестно, было ли такое отверстие на блюде с Дуванского селища (рис. 2, 36), ввиду фрагментарности находки. Учитывая эту конструктивную особенность, можно предложить два возможных варианта использования подобных изделий: наполнение сосуда небольшим количеством ритуальной жидкости с ее последующим постепенным сливом, что могло символизировать жертвенное возлияние, или же помещение внутрь вещества, которое было необходимо отделить от жидкости с ее дальнейшим сбором в другую емкость. Второй вариант может предполагать, что эти сосуды применялись для изготовления священных напитков, однако эта гипотеза требует дальнейшей проверки.

В IV в. до н.э. в Прииртышье появляются глиняные блюда I типа (рис. 3, 7, 8, 19), аналогичные каменным изделиям из раннесарматских памятников Южного Урала (табл. 3). В III–II вв. до н.э. Центральную Азию вновь захлестнула волна перемен. Победа хунну над юэчжами привела в движение население степной Евразии, вследствие чего возросла подвижность кочевников Северного Казахстана и Южного Урала [Корякова, 1988, с. 163–164]. С этого времени А.С. Скрипкин отмечает начало миграций носителей прохоровской культуры в западном и южном направлениях [1984, с. 92–93]. Как следствие, на территории Тоболо-Иртышья активизируется взаимодействие местных коллективов с кочевниками сарматского круга, о чем свидетельствуют изменения в погребальном обряде и гончарном деле, а также массовые заимствования в инвентарном комплексе из прохоровской среды [Корякова, 1988, с. 163–164; Матвеева, 1993, с. 124–125]. В это время прекращают бытование глиняные блюда III–IV типов, а предметы I–II типов получают широкое распространение во всех ареалах саргатской культуры, где они продолжают использоваться вплоть до ее угасания (рис. 3, 1–6, 9–18, 20, 21–28). Первоначально эти изделия могли изготавливаться в саргатском ареале южноуральскими мигрантами, а по мере распространения пришлых элементов в местной среде эта традиция получила более широкое распространение. С III в. до н.э. блюда I–II типов вместе с саргатской керамикой появляются в памятниках гороховской и богочановской культур [Могильников, 1992, табл. 119, 52; Данченко, 1996, с. 102–103], вероятно, в результате брачно-родственных контактов с саргатским населением.

Чаще всего блюда сопровождаются в погребениях пряслищем (Бещаул-II, к.4, п.2; Бещаул-III, к.2, п.4; Ипкульский-1, к.20, п.1; Исаковка-III, к.2, п.2; Красноярка, к.10, п.1; Савиновский, к.1, п.1; Сидоровка, к.4, п.5; Старые Карачи-3, к.14, п.1; Стрижево-I, к.2, п.4), наконечниками или деталями лука

(Бешаул-II, к.4, п.2; Бешаул-III, к.2, п.4; Венгерово 7, к.2, п.7; Калачевка, к.1, п.4; Краснаярка, к.10, п.1; Стрижево II, к.6, п.4), железным ножом (Бешаул-III, к.2, п.4; Ипкульский-1, к.20, п.1; Исаковка-III, к.2, п.2; Краснаярка, к.10, п.1; Сидоровка, к.4, п.5), бронзовой иглой (Старые Карачи-3, к.14, п.1) и курильницей (Бешаул-II, к.4, п.2; Сидоровка, к.4, п.5), которая иногда находилась прямо на блюде (Исаковка-I, к.5, п.7). На некоторых изделиях присутствует краска. Иногда в могилу клалась половина глиняного блюда (рис. 3, 15, 18, 23). Перечисленные наблюдения свидетельствуют, что эти изделия могли использоваться таким же образом, что и глиняные блюда IV типа.

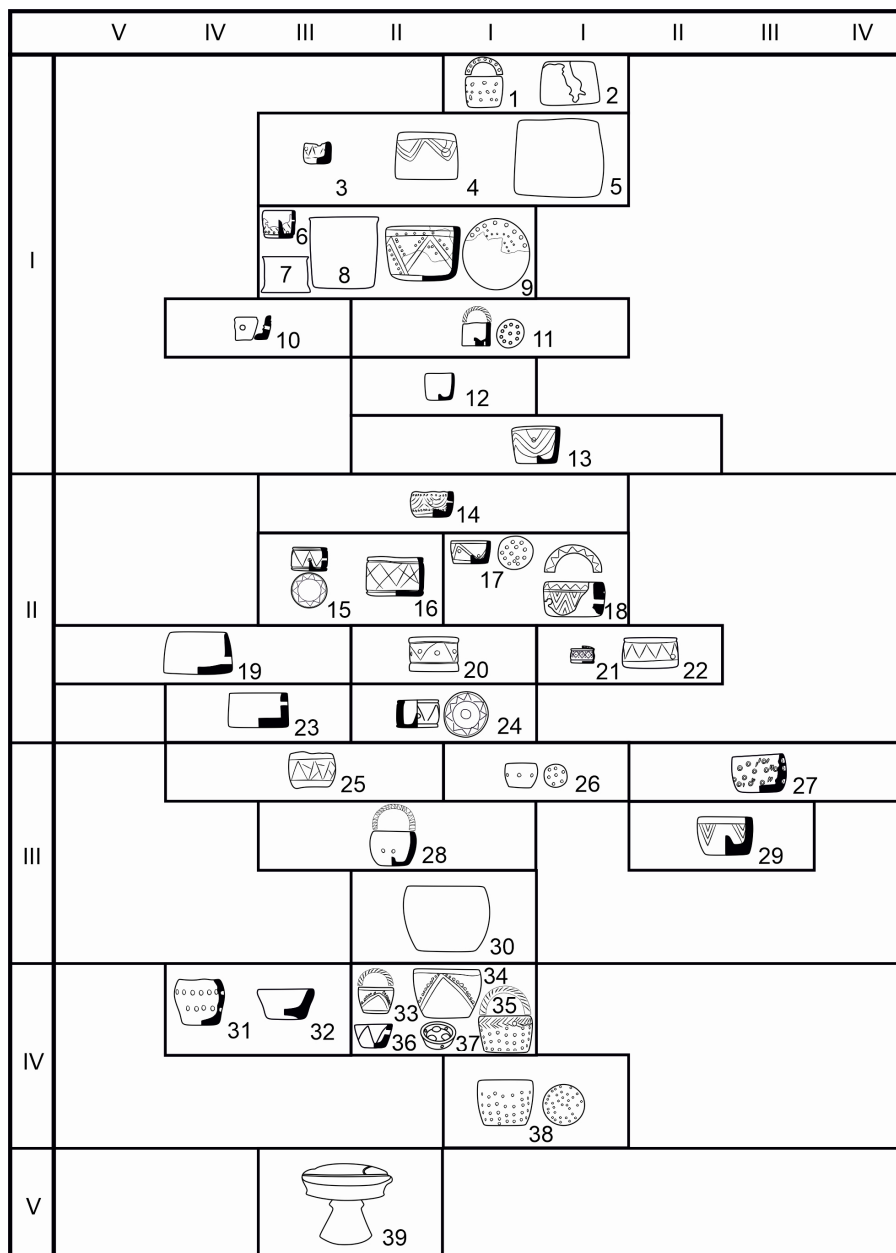


Рис. 4. Курильницы саргатской культуры.
Fig. 4. Censers of the Sargatka Culture.

На этом же этапе в саргатских памятниках Тоболо-Иртышья появляются керамические сосуды-курильницы, которые выступают в качестве своеобразного маркера сарматских памятников [Смирнов, 1973, с. 166]. Активное использование этих предметов в погребальных практиках сармат начинается с IV в. до н.э. [Там же, с. 168], соответственно в саргатской среде они не могли получить распространение раньше этого времени. При этом ни один из ранних саргат-

ских комплексов с курильницами не относится строго к IV в. до н.э. — время существования таких объектов устанавливается авторами раскопок в диапазоне IV–III(II) вв. до н.э. (рис. 4, 10, 18, 22, 24, 30, 31). Более того, ко II в. до н.э. в одонтологической специфике местных коллективов начинают преобладать параллели с сарматским населением [Слепцова, 2020, с. 149–150]. Скорее всего, в саргатской культуре курильницы появляются вместе с южноуральскими мигрантами ближе к III в. до н.э. При этом значительная часть саргатских изделий отличается от сарматских наличием декора по всей поверхности сосуда и выступов на дне, что может указывать на их производство в местной среде. Ко II в. н.э. бытование ритуальных сосудов в саргатском ареале прекращается. Исследователи саргатской культуры, следуя за К.Ф. Смирновым [1973], сходятся во мнении об использовании курильниц для воскурения во время ритуалов галлюциногенных или ароматических веществ [Матвеева, 1996, с. 82; Зах, 2021, с. 76 и др.]. В качестве галлюциногенов, по мнению В.А. Заха, могли применяться багульник, можжевельник, полынь, чабрец, дурман, белена, красавка, красный мухомор и др. [2021, с. 76], а в качестве благовоний — вещества на основе ладана из Босвеллии [Киселева и др., 2020, с. 662].

Подводя итоги, следует отметить, что предметы культа одной категории зачастую встречаются на одном поселении, а также в разных погребениях, относящихся к одному эпизоду существования могильника. Это может указывать на одновременное присутствие в общине сразу нескольких индивидов, занимавшихся ритуальными практиками. Рассмотренные изделия встречаются в основном в погребениях взрослых женщин и отсутствуют в детских могилах, что указывает на возможность участия в сакральной деятельности только по достижении половозрелого возраста. При этом ритуальные предметы обнаруживаются в погребениях женщин с разной интенсивностью прижизненной физической активности [Шарапова и др., 2014, табл. 3]. Это может означать, что женщины, занимавшиеся ритуальными практиками, могли принимать активное участие в повседневной физически затратной деятельности, что соотносится с предположением об отсутствии у населения саргатской культуры отдельной жреческой категории лиц [Матвеева, 1996, с. 82–83; Берсенева, 2005, с. 183–184]. Эти наблюдения, в свою очередь, можно сопоставить с концепцией К.Ф. Смирнова о наличии у савроматов «семейных жриц», которые выполняли жреческие обязанности в отдельной семье. При этом такую деятельность практиковали не только в богатых родах и семейных общинах, но и среди рядового населения [Смирнов, 1964, с. 202].

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели различные категории предметов культа из погребений саргатской культуры. Анализ их морфологических особенностей, динамики изменения форм, контекста залегания в погребениях и особенностей использования местным населением позволил выяснить причины появления этих изделий на территории лесостепной зоны Тоболо-Иртышья и Барабы, а также проследить их последующее распространение в данном регионе. Дальнейшее изучение каменных жертвенников, глиняных блюд и сосудов-курильниц из комплексов саргатской культуры имеет огромный потенциал для реконструкции процессов взаимодействия древнего населения. Широкие возможности для детализации межкультурных связей предоставляет уточнение функционального назначения рассмотренных вещей с привлечением инструментария точных наук для изучения следов использования этих предметов и составов веществ с их поверхностей, а также реконструкция особенностей мировоззрения местных коллективов, которые проявились в специфике ритуальных действий с предметами культа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 28–46. <https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.28.46>
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.
- Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы: Дневники пятiletних раскопок. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. Т. 1. 172 с.
- Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфим. археол. вестник. 1998. Вып. 1. С. 25–43.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1973. 160 с.

- Вишневецкая О.А.* Центральный Казахстан // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 130–140.
- Генинг В.Ф.* Курганы у гор. Шадринска // ВАН. 1962. Вып. 4. С. 99–103.
- Граков Б.Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: (Пережитки матриархата у сарматов) // Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье: Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории». 1937–1997. М.: Ладомир, 1997. С. 638–659.
- Данченко Е.М.* Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.
- Дмитриев П.А.* Жертвенные камни Зауралья // КСИИМК. М.: Наука, 1948. Вып. XIX. С. 12–22.
- Зах В.А.* Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 2 (53). С. 66–82. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-6>
- Зуев В.Ю.* Научный миф о «савроматских» жрицах // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы междунар. конф. СПб.: Скифо-Сибиряка, 1996. С. 54–68.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Рос. полит. энциклопедия, 1997. 187 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.
- Киселева Д.В., Данилов Д.А., Домрачева Д.В., Труфанов А.Я., Хорькова А.Н., Шарапова С.В.* Хроматографическое изучение растительной смеси из элитного погребения саргатской культуры в среднем Прииртышье // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15. № 5. С. 657–663. <https://doi.org/10.1134/S1992722320050052>
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: (Саргатская культура). Свердловск: Изд.-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.
- Краева Л.А.* Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самар. науч. вестник. 2015. № 3 (2). С. 90–100. <https://doi.org/10.17816/snv20153207>
- Маргарян К.Г.* Керамические блюда саргатской культуры // Наука ЮУрГУ: Материалы 70-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2018. С. 279–286.
- Маргарян К.Г.* Каменные жертвенники раннего железного века овальной формы на четырех низких ножках // Наука ЮУрГУ: Материалы 71-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2019. С. 218–225.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 433 с.
- Матвеева Н.П.* О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья // Скифская эпоха Алтая: (Тезисы докладов к конференции). Барнаул: АлтГУ, 1986. С. 88–90.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 172 с.
- Матвеева Н.П.* Следы отправления культов в погребальных памятниках саргатской культуры // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: (Материалы междунар. конф.). СПб.: ГЭ, 1996. С. 81–83.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 295 с.
- Матвеева Н.П.* Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья // РА. 2019. № 1. С. 4–19. <https://doi.org/10.31857/S086960630004109-8>
- Могильников В.А.* Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // ВАН. 1981. Вып. 15. С. 100–103.
- Могильников В.А.* Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 274–311.
- Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пущин. науч. центр РАН, 1997. 195 с.
- Могильников В.А.* К динамике внешних контактов саргатского этноса // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. С. 4–10.
- Мошинская В.И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. М.: Наука, 1963. Вып. Д1-10. 56 с.
- Мошкова М.Г.* Еще раз о каменных «жертвенниках» и «савроматской» археологической культуре // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 201–215.
- Плахута Д.О., Аветушкова А.Л.* О семантике некоторых жертвенников раннего железного века Западной Сибири: Вариант интерпретации // Stratum plus: Археология и культурная антропология. Социология потустороннего. 2018. № 3. С. 181–186.
- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Полосьмак Н.В.* Глиняные блюда саргатской культуры // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология: Тезисы докладов второй археол. конф. Кемерово: Издательство КемГУ, 1984. С. 127–128.
- Сальников К.В.* Находки на Южном Урале // СА. 1964. № 1. С. 313–315.
- Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во СГУ, 1984. 149 с.

Предметы культа из памятников саргатской культуры в контексте взаимодействия...

Слепцова А.В. Происхождение и хронологическая динамика состава населения саргатской культуры эпохи раннего железного века Западной Сибири по одонтологическим данным // *Camera Praehistorica*. 2020. № 1(4). С. 139–155. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-1-139-155>

Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 380 с.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // *Кавказ и Восточная Европа в древности*. М.: Наука, 1973. С. 166–179.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // *Исследования по археологии Южного Урала*. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 3–51.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // *САИ*. М.: Наука, 1963. Вып. Д1-9. 401 с.

Таиров А.Д. Ранний железный век // *Древняя история Южного Зауралья: Ранний железный век и средневековье*. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 4–205.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н.э. // *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии: Доклады к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 3–21.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 128 с.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Трофимов Ю.В. Каменный жертвенник и керамическая курильница // *Вестник ОмГУ*. 2017. № 3 (15). С. 134–137. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.134-137>

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (II) // *Уфим. археол. вестник*. 2001. Вып. 3. С. 21–49.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Ченченкова О.П. Плитки с изображением головы барана из лесостепного Зауралья // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 118–140.

Шарапова С.В., Ражев Д.И., Курто П. Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Приобья) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2014. № 1 (24). С. 84–93.

Tallgren A.M. Some Nort Evrasion Sculptures // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1938. XII. P. 109–135.

Prokonova M.M.

University of Tyumen, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: m.m.prokonova@utmn.ru

Sacred objects from the sites of the Sargatka Culture in the context of interaction of the forest-steppe population with the nomads of the Ural-Kazakh steppes

The paper concerns the stone altars, clay dishes, and censers from the sites of the Sargatka Culture of the Early Iron Age. Analysis of their morphological features is carried out, as well as of the dynamics of changes in the forms, the context of their deposition in burials, and specifics of their use. As the result, the reasons for the appearance of these products in the forest-steppe zone of the Tobol-Irtysh and Baraba areas (Western Siberia) are clarified and their subsequent distribution in the given region is traced. Stone altars of types I, II, and IV started appearing in the 5th–4th cc. BC in the Irtysh Basin and Baraba regions as a consequence of the Saka migration. Transformation of the religious and mythological views of the Sargatka population, as a result of the interactions of the Tobol-Irtysh communities with the nomads of the Ural-Kazakhstan steppes, led to the appearance of new rituals requiring small stone altars for their performance, due to which there was a growing demand for these products among local communities. However, by the 4th c. BC the production of altars in the Kazakhstan center ceased due to the decline of the Early Saka Culture. From this time, the population of the Sargatka Culture began making local copies of small type I altars from stone, although their production in the Sargatka area was difficult due to the lack of sandstone outcrops, which facilitated the use of more accessible material — clay, as reflected in the appearance of clay dishes of types III–V in the territory of the Baraba and Irtysh Basin. Connection between the local and imported products is indicated by the traces of their similar use. From the 3rd c. BC, scarce altars of type I could make their way into the Sargatka context as a result of close contacts with the population of the Upper Ob Basin, among whom these objects were widespread up until the 3rd–2nd cc. BC. The appearance of type III stone altars and type VI clay dishes in the complexes of the Sargatka Culture of the Tobol and Irtysh Basins in the 5th–4th and 4th–3rd cc. BC might have been caused by the migration of a small group of nomads of the Southern Urals, or by close contacts with the population of the Gorokhovo Culture. Type V altars also were borrowed from the bearers of the Gorokhovo Culture. Their appearance may indicate the process of assimilation of the newly arrived Sargatka population in the Tobol Basin. In the 4th c. BC, clay dishes of type I appeared in the Irtysh Basin. From the 3rd c. BC, as a result of the intensification of contacts between the local population and

nomads of the Sarmatian origin, these products became more widespread, while ceramic censers and clay dishes of type II also appeared.

Keywords: Western Siberia, Early Iron Age, Sargatka Culture, Sacred Objects, Censers, Ceramic Plates, Stone Altars.

REFERENCES

- Bagashev, A.N. (2000). *Paleoanthropology of Western Siberia: Forest-Steppe in the Early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka.
- Beisenov, A.Z., Dzhumabekova G.S. (2017). Ancient Item Spoilage Ritual Used in Nomadic Burial Rite. *Povolzhskaya arkheologiya*, 2(20), 28–46. (Rus.). <https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.28.46>
- Beisenov, A.Z., Ismagulova, A.O., Kitov, E.P., Kitova, A.O. (2015). *Population of Central Kazakhstan in the I Millennium BC*. Almaty: Institute arkheologii im. A.Kh. Margulana. (Rus.).
- Bobrinskii, A.A. (1887). *Mounds and Random Archaeological Finds near the Place of Smela: Diaries of five-year excavations*. St. Petersburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha. (Rus.).
- Chenchenkova, O.P. (2001). Plates with the Image of a Ram's Head from the Forest-Steppe Trans-Urals. In: *Okhranye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 118–140. (Rus.).
- Danchenko, E.M. (1996). *The Southern Taiga Irtysh region in the middle-second half of the I millennium BC*. Omsk: OmGPU.
- Dmitriev, P.A. (1948). Sacrificial Stones of the Trans-Urals. In: A.D. Udal'tsov (Ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*. Moscow: Nauka, 12–22. (Rus.).
- Fedorov, V.K. (2001). On the Functional Purpose of the So-called "Savromat Altars" of the Southern Urals (II). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (3), 21–49. (Rus.).
- Gening, V.F. (1962). Burial Grounds near Shadrinsk. *Voprosy arkheologii Urala*, (4), 99–103. (Rus.).
- Grakov, B.N. (1997). ГЫНАЙКОПАТОМЭНО: (Remnants of the Sarmatian Matriarchy). In: A.I. Pavlovskaya (Ed.). *Drevnie tsivilizatsii. Gretsii. Ellinizm. Prichernomor'e: Izbrannye stat'i iz zhurnala "Vestnik drevnei istorii"*. 1937–1997. Moscow: Lodomir, 638–659. (Rus.).
- Itina, M.A., Iablonskii, L.T. (1997). *The Sakas of the Lower Syr-Darya (Based on the Materials of the South Tagisken Burial Ground)*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaya entsiklopediia. (Rus.).
- Khabdulina, M.K. (1994). *Steppe Priishimye in the Early Iron Age*. Almaty: Rakurs. (Rus.).
- Kiriushin, Iu.F., Stepanova, N.F., Tishkin, A.A. (2003). *Scythian Era of Altai. Part II: Funerary-memorial complexes of the Pazyryk Culture*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta. (Rus.).
- Kiseleva, D.V., Danilov, D.A., Domracheva, D.V., Trufanov, A.Ia., Khor'kova, A.N., Sharapova, S.V. (2020). Chromatographic Study of the Plant Mixture from the Elite Burial of the Sargatka Culture in the Middle Irtysh Region. *Rossiiskie nanotekhnologii*, 15(5), 657–663. (Rus.). <https://doi.org/10.1134/S1992722320050052>
- Koriakova, L.N. (1988). *Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia: (Sargatka culture)*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Kraeva, L.A. (2015). Household and Sacred Use of the Pottery by the Sarmatian Tribes of the Southern Urals and Western Kazakhstan. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 3(2), 90–100. (Rus.). <https://doi.org/10.17816/snv20153207>
- Margarian, K.G. (2018). Ceramic Plates of the Sargatka Culture. In: A.A. D'iakonov (Ed.). *Nauka luUrGU: Materialy 70-i nauchnoi konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk*. Cheliabinsk: Izdatel'skii tsentr luUrGU, 279–286. (Rus.).
- Margarian, K.G. (2019). Oval Stone Altars on Four Low Legs of the Early Iron Age. In: A.A. D'iakonov (Ed.). *Nauka luUrGU: Materialy 71 nauchnoi konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk*. Cheliabinsk: Izdatel'skii tsentr luUrGU, 218–225. (Rus.).
- Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K., Orazbaev, A.M. (1966). *Ancient culture of Central Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1986). Sacrificial Stones of the Scythian Time from the Trans-Urals. In: Iu.F. Kiriushin (Ed.). *Skifskaya epokha Altaia: (Tezisy dokladov k konferentsii)*. Barnaul: AltGU, 88–90. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1993). *The Sargatka Culture in the Middle Tobol*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1996). Traces of Performance of Acts of Worship in Burials of the Sargatka Culture. In: *Priesthood and Shamanism in the Scythian Period (the Materials of International Conference)*. St. Petersburg: Skifo-Sibirika', 81–83. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2000). *Socio-Economic Structure of the Population of Western Siberia in the Early Iron Age (Forest-Steppe and Subtaiga zone)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2019). The Gorokhovo Culture in the System of the Trans-Ural Antiquities of the Early Iron Age. *Rossiiskaia arkheologiya*, (1), 4–19. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/S086960630004109-8>
- Mogilnikov, V.A. (1981). Some Features of the Genesis of Western Siberian Forest-Steppe Cultures in the Early Iron Age. *Voprosy arkheologii Urala*, (15), 100–103. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A. (1992). Forest-steppe of the Trans-Urals and Western Siberia. In: M.G. Moshkova (Ed.). *Arkheologiya SSSR: Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka, 292–311. (Rus.).

- Mogilnikov, V.A. (1997). *The Population of the Upper Ob Region in the Middle-Second Half of the First Millennium BC*. Moscow: Pushchinskii nauchnyi tsentr RAN. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A. (1998). On the dynamics of external contacts of the Sargatka culture's ethnic group. In: N.P. Dovgaliuk (Ed.). *Vzaimodeistvie sargatskikh plemen s vneshnim mirom*. Omsk: OmGU, 4–10. (Rus.).
- Moshinskaia, V.I. (1976). *Ancient Sculpture of the Urals and Western Siberia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Moshkova, M.G. (1963). Monuments of Prokhorov culture. In: *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (D1-10). Moscow: Nauka, 1–56. (Rus.).
- Moshkova, M.G. (2000). The Designation of Stone "Altars" and "Savromat" Archaeological Culture. In: V.I. Guliaev, V.S. Ol'khovskii (Eds.). *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: Paleoeologiya, antropologiya i arkheologiya*. Moscow: IA RAN, 201–215. (Rus.).
- Plakhuta, D.O., Avtushkova, A.L. (2018). On Semantics of Some Early Iron Age Altars of Western Siberia: Interpretation option. *Stratum plus: Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya. Sotsiologiya potustoronnego*, (3), 181–186. (Rus.).
- Polosmak, N.V. (1987). *Baraba in the Early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Polosmak, N.V. (1984). Ceramic Plates of the Sargatka Culture. In: T.V. Nikolaeva (Ed.). *Skifo-sibirskii mir: Iskusstvo i ideologiya: Tezisy dokladov vtoroi arkheologicheskoi konferentsii*. Kemerovo: Izdatel'stvo KemGU, 127–128. (Rus.).
- Sal'nikov, K.V. (1964). Findings in the Southern Urals. *Sovetskaya arkheologiya*, (1), 313–315. (Rus.).
- Sharapova, S.V., Razhev, D.I., Kurto, P. (2014). New in the Study of Women's Burials (Based on the Materials of the Sargatka Culture of the Tobol Region). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 24(1), 84–93.
- Skripkin, A.S. (1984). *The Lower Volga Region in the First Centuries of Our Era*. Saratov: SGU. (Rus.).
- Sleptsova, A.V. (2020). Origin and Chronological Dynamic of the Populations of the Sargat Early Iron Age West Siberian Culture: Dental Evidence. *Camera Praehistorica*, 4(1), 139–155. (Rus.). <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-1-139-155>
- Smirnov, K.F. (1964). *Sauromats: The Early History and Culture of the Sarmatians*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Smirnov, K.F. (1973). Censers and Toilet Vessels in Asian Sarmatia. In: R.N. Munchaev, V.I. Markovin (Eds.). *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti*. Moscow: Nauka, 166–179. (Rus.).
- Smirnov, K.F. (1977). Orsk Mounds of Early Nomads. In: R.G. Kuzeev, N.A. Mazhitov, A.X. Pshenichniuk (Eds.). *Issledovaniia po arkheologii luzhnogo Urala*. Ufa: BFAN SSSR, 3–51. (Rus.).
- Smirnov, K.F., Petrenko, V.G. (1963). Sauromats of the Volga Region and Southern Urals. In: *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (D1-9). Moscow: Nauka, 1–401. (Rus.).
- Tairov, A.D. (2000). Early Iron Age. In: N.O. Ivanova (Ed.). *Drevniia istoriia luzhnogo Zaural'ia. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e*. Cheliabinsk: Izd-vo IuUrGU, 4–205. (Rus.).
- Tairov, A.D. (2004). Periodization of Monuments of Early Nomads of the Southern Trans-Urals of the VII–II Centuries BC. In: L.T. Iablonskii, S.I. Luk'iashko (Eds.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noi khronologii: Doklady k 5 mezhdunarodnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii»*. Krasnodar: Firma NSS, 3–21. (Rus.).
- Tallgren, A.M. (1938). Some North Eurasian Sculptures. In: *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, (XII), 109–135.
- Trofimov, Y.V. (2017). Stone Altar and Ceramic Censer. *Vestnik OmGU*, 15(3), 134–137. (Rus.). <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.134-137>
- Troitskaia, T.N. (1979). *The Kulay Culture in the Ob River Basin in Novosibirsk Region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Troitskaia, T.N., Borodovskii, A.P. (1994). *The Bolsherechye Culture of the Forest-Steppe Ob Region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Vasil'ev, V.N. (1998). To the issue of Sarmatian Stone Altars of Nomads of the Southern Urals. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (1), 25–43. (Rus.).
- Vishnevskaya, O.A. (1973). Culture of the Saka Tribes of the Lower Syr Darya in the VII–V Centuries BC Based on the Uygurak Materials. In: S.P. Tolstov (Ed.). *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*. Moscow: Nauka, 1–160. (Rus.).
- Vishnevskaya, O.A. (1992). Central Kazakhstan. In: M.G. Moshkova (Ed.). *Arkheologiya SSSR: Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka, 130–140. (Rus.).
- Zakh, V.A. (2021). Incense Burners and Altar Dishes of the Sargatka Culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 53(2), 66–82. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-6>
- Zuev, V.Iu. (1996). The Scientific Myth about the "Sauromatian Priestesses". In: *Priesthood and Shamanism in the Scythian Period: (The Materials of International Conference)*. St. Petersburg: Skifo-Sibirika, 54–68. (Rus.).

Проконова М.М., <https://orcid.org/0000-0003-2008-4814>



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 12.09.2022

Article is published: 15.03.2023